

Артисты о Чеховѣ.

(Воспоминанія, встрѣчи и впечатлѣнія)

П. М. Медвѣдевъ.

Впервые познакомился я съ Чеховымъ въ 1888 году на представленіи «Иванова». И играть Лебедева. По окончаніи спектакля меня представили А. П. и онъ произвелъ на меня очень симпатичное впечатлѣніе. Онъ высказалъ одобреніе по поводу моей игры; обыкновенно, знаете, какъ-то неговно, даже непріятно выслушивать похвалу по адресу собственной персоны, но у него это вышло такъ просто, что неловкости этой ничуть не ощущалось. Послѣ этого я его встрѣчалъ нѣсколько разъ, все такъ мимоходомъ; у него, вѣдь, вообще, была такая особенность: онъ умѣлъ держаться въ сторонѣ, оставаться незамѣтнымъ, если можно такъ выразиться, ступеньваться. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что громадное большинство артистовъ, не одинъ разъ участвовавшихъ въ его пьесахъ, а даже встрѣчавшихся съ нимъ, не могутъ похвалить близкимъ знакомствомъ. Этимъ онъ резко отличается отъ прочихъ драматурговъ.

Хорошо также помню встрѣчу съ нимъ за кулисами на первомъ представленіи «Чайки»; хорошо помню потому, что онъ имѣлъ тогда чрезвычайно урученный и подавленный видъ. И опять тогда сказался Чеховъ: онъ какъ-будто весь ушелъ въ себя, какъ-будто спряталъ въ самомъ себѣ свою непріятность, не навязывая ее другимъ и не ища сочувствія.

Что касается самого факта неуспѣха «Чайки», то я не могу согласиться съ мнѣніемъ, котораго тогда, да, пожалуй, и теперь, придерживаются очень многіе, что будто провалъ «Чайки» былъ неожиданнымъ. Я лично, признаться, ожидалъ его, потому что самый фактъ постановки «Чайки» въ то время былъ и преждевремененъ, и неумѣстенъ. Слишкомъ уже крутой поворотъ выщелъ: наша публика, въ особенности публика «Александринскаго театра», воспитанная на пьесахъ съ опредѣленнымъ сюжетомъ, съ яркими очерченными типами, не только тогда, но, пожалуй, даже и теперь, въ массѣ неподготовлена къ пьесамъ, которыя полны символизма, подомолвокъ и неясности. Окровавлено признаюсь вамъ, что я самъ долгое время не могъ разобратъ въ этой самой «Чайкѣ», и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что публика, не видя на сценѣ своихъ любимыхъ типовъ и не будучи въ состояніи найти опредѣленнаго сюжета, получила такое недорѣумное, что-ли, впечатлѣніе, которое съ каждымъ актомъ росло и дошло до того, что зрители чуть-ли не кричали: «зававесь!».

И лично не видѣвъ успѣха этой «Чайки» даже когда она ставилась въ прошломъ сезонѣ на Александринской сценѣ; съ нѣкоторой натяжкой можно, пожалуй, констатировать средній успѣхъ, но и здѣсь, пожалуй, главная причина не въ томъ, что публика, будто, уразумѣла эту пьесу, а въ томъ, что печать стала къ «Чайкѣ» относиться иначе и большинство публики, какъ я полагаю, не желая показать себя отсталымъ, встрѣтило ее одобрительно или, что вѣрнѣе, не выражало своего неудовольствія.

Вообще, нѣкоторыя вещи Чехова не совсѣмъ подходятъ для современной сцены, т. е., именно, преждевременны: что онъ имѣлъ успѣхъ на сценѣ московскаго Художественнаго театра, далеко не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы ихъ ставить на другихъ сценахъ. И не говорю уже о той постановкѣ и детальной обработкѣ, которой подвергаются всѣ пьесы на сценѣ названнаго театра,—этого можно достигнуть и на другихъ сценахъ, но вездѣ надо имѣть въ виду, что публика, которая посѣщаетъ ихъ, резко отличается отъ публики, ну, хотя-бы, Александринскаго театра. Къ намъ ходитъ публика, стоящая на всѣхъ ступеняхъ развитія, въ нѣмъ-же—можно сказать, «своя» публика, стоящая въ общей массѣ значительно выше, умѣющая цѣнить и понимать такіе вещи, которыя въ нашей публикѣ возбуждаютъ недоумѣніе, доходящее чуть-ли не до требованія завѣса. Посадите нашу публику въ московскій Художественный театръ и я увѣренъ, что вы найдете на лицахъ зрителей скуку и недоумѣніе.

Все сказанное мною, конечно, не относится къ такимъ вещамъ, какъ «Ивановъ», «Дядя Ваня», «Три сестры» и т. п. пьесы, которыя являются достоинствомъ всѣхъ сценъ и пользуются вездѣ успѣхомъ.

Вообще, какъ драматургъ, А. П. Чеховъ представляетъ несомнѣнно очень крупную величину, а его мелкія вещи прямо «неподражаемы»; папричѣтъ: «Медвѣдь», «Предложеніе», «Медаль» — въ нихъ столько неподдѣльнаго юмора; можно сказать, что такихъ вещей немного.

И если у Чехова нѣкоторыя вещи не вызываютъ особеннаго восторга публики, то это объясняется отчасти уже, указаннымъ мною, преждевременнымъ символизмомъ, отчасти нѣкоторымъ незнаніемъ условій и требованій сцены. Отъ этого послѣдняго недочета онъ постоянно и весьма замѣтно освобождался и нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени онъ достигъ-бы совершенства, и съ этой точки зрѣнія смерть Чехова является для сцены потерей сугубо тяжелой. Вообще, я нахожу, что Чехова при жизни мало цѣнили и теперь только, послѣ

смерти, спохватились. Да, вѣдь, у насъ такъ почти всегда. Сначала умри, а потомъ тебѣ воздадутъ. Такова горькая жизнь большинства нашихъ талантовъ.
Л. Львовъ.